

Я прочел пьесу — и растерялся

Прогон спектакля только что закончился, и Хазанов еще не успел разгримироваться. Потом его снимали для телевидения, потом его студенты вручали ему букет: Хазанов был деловит, важен и нес себя с достоинством государственного человека. На самом деле он волновался: на прогоне в зале сидела своя публика, а реакция рядового зрителя, который заплатит за билеты деньги и потратит на спектакль свободный вечер, была еще непредсказуема.

— Как появилась идея спектакля, кто принес пьесу?

— Пьесу принес режиссер спектакля Борис Мильграм, а я ее прочел — и растерялся. Опыт работы с абсурдистской драматургией у меня есть, и все же я к ней не очень привык, но пьеса «российского абсурда» показалась мне современной. Работа была трудной — это моя первая полнометражная драматическая роль... Что получилось — не мне судить, но по части трудозатрат я был абсолют-но честен.

— Насколько «Птицы» характерны для общей репертуарной линии вашего театра? Судя по всему, вы пытаетесь развернуть Театр Эстрады в каком-то другом, новом направлении.

— В Театре Эстрады двенадцать дней в месяц идет то, что относится к классической эстраде, — почему, интересно, этого никто не видит? Может быть, из-за того, что наши драматические спектакли привлекают больше внимания, — ведь сольным концертом Хазанова или Петросяна нынче уже никого не удивишь?

— Как, на ваш взгляд, сложится репертуарная судьба спектакля, будет ли он востребован публикой?

— Трудно сказать... Но я думаю, что в Москве достаточно образованных и думающих зрителей, которых должна заинтересовать наша работа. Не слу-

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

«Птицы». Сцена из спектакля

чайно зритель в будние дни перестал ходить на эстраду.

— Какая-то тенденция за этим есть?

— Да. В Театре Эстрады люди ходят ради развлечения, а развлечения они теперь себе позволяют только в выходные дни. Это связано и с экономическими, и с психологическими особенностями: театром и эстрадой интересуются очень разные люди. Эти зрительские секторы друг с другом не пересекаются.

— Значит ли это, что вы собираетесь обновить публику Театра Эстрады?

— Мы занимаемся этим уже не первый сезон. В прошлом году появились «Мастер-класс», «Каллифорнийская сюита» с Алисой Фрейндлих, и

позапрошлом сезоне — «Ужин с дураком».

— И зал на этих спектаклях не пустует?

— В прошлом году у нас было больше девяноста процентов посещаемости. Сегодня это совершенно уникальная цифра — тем более для зала на тысячу триста мест.

— Мне давно кажется, что вас, артиста эстрады, тянет на драматическую сцену. Все-таки здесь можно получить совсем иное удовольствие от профессии — роль, которая проведена от начала и до конца, жизнь, целиком прожитая на сцене, приносит больше радости, чем эстрадная миниатюра...

— Для меня театр сегодня представляет гораздо больший

интерес. Безусловно, это даже не обескураживает.

— Вам было сложно, когда вы начинали ваши театральные опыты? Все-таки базового образования, которым обладают драматические актеры, у вас нет.

— Да, было сложно. Эстрадный артист существует в сольном режиме — он напрямую контактирует с залом и эмоционально сливается со своей публикой. А драматический театр требует от тебя многого: способность существовать, и это поначалу было непросто. Но сегодня меня абсолютно не интересуют локальные реакции публики, ради которых работает эстрадный артист. Я считаю, что дело не только в образовании: артист либо владеет профессией, либо нет.

— Изменилась ли сегодняшняя эстрада?

— Ну конечно — и не в лучшую сторону. Дело в легализации анекдота, который потопил ее как жанр. Анекдот — самый верный способ рассмешить публику, и это стало причиной деградации актерского мастерства на эстраде, которое наблюдается на протяжении последних двадцати пяти лет. Беда в том, что слово на эстраде стало самодостаточно, яркий тому пример — авторы, которые сами читают свои тексты. А в результате эстраде стал не нужен актер, эстрадная миниатюра себя исчерпала — во всяком случае, интерес к ней значительно снизился. Раньше этот жанр выполнял функции легальной оппозиции, но как только поменялся общественный строй и жизнью стали править иные законы, жанр умер.

— Раньше много говорили об особой природе советского юмора: это был юмор с подтекстом, юмор, за которым вставали несколько планов...

— Теперь наш юмор стал другим — более прямым и жестким, менее закамуфлированным... А с отсутствием камуфляжа исчезает тайна. С исчезновением тайны уходит Искусство.